

Е Линьфэн бросил на себя беглый взгляд и ощутил, как к лицу прилила кровь — стало по-настоящему стыдно. Было ли ему больно, он уже не понимал, но он предательски покраснел.

Обычно, когда другие практики являли свой истинный облик, они либо превращались в величественных зверей, либо эффектно сбрасывали маски, демонстрируя миру ослепительную красоту. На худой конец, какой-нибудь неприметный прохожий внезапно оказывался могущественным владыкой, заставляя всех вокруг трепетать и падать ниц.

Ему же «повезло» иначе. Стоило явить истинную суть, как полезли кошачьи ушки и бабочки, всё тело окутало мягкое сияние, талия стала пугающе гибкой, а губы — маняще алыми. Не хватало только таблички на груди с надписью: «Жажду мужской ласки!»

«Наверное, мне так неловко только потому, что здесь есть посторонние», — мелькнула мысль.

Вокруг воцарилась тяжелая тишина. Е Линьфэн, пересилив жгучее чувство стыда, медленно поднял голову.

Сначала он посмотрел на застывшего в изумлении Мутяня-чжэньжэня и, стараясь звучать искренне, но с легким намеком, пояснил:

— Сейчас... уже не больно.

И это была правда — боли он действительно не чувствовал. Однако в его словах крылась ловушка: сейчас не больно, но что было раньше? И что будет потом? Только так можно было зацепить любопытство Мутяня и удержать его внимание.

Заметив, как в глазах целителя промелькнул интерес, Линьфэн забросил вторую наживку.

— На самом деле, не так давно меня выбрал Почтенный Янькун, — начал он, тщательно подбирая слова. — Я стал его испытателем снадобий. А этот облик... последствие приема одной из его новых пилюль. Она еще нестабильна, и побочные эффекты до конца не изучены. Раньше я боялся напугать близких и подавлял всё это своей духовной силой. Но такой запрет не мог длиться вечно. Тем более... тем более после того, как меня оболгали! Я ведь тот, кто спас Олений город, но люди только и делали, что сыпали оскорблениями. Кричали, что я пробился за счет своей смазливой мордашки, что я лишь прихвостень Бессмертного господина в демонической маске! Они решили, что всё сделал другой человек, а не я!

Он запнулся, голос его дрогнул.

— Я больше не хочу быть темой для их сплетен. Не хочу, чтобы меня презирали из-за этого проклятого лекарства и внешности. И больше всего... больше всего я не хочу, чтобы кто-то узнал... что настоящий я ничем не лучше тех грязных слухов, которые они распускают...

Е Линьфэн низко склонил голову, изображая человека, чей секрет внезапно вырвали наружу. Он выглядел измученным, словно долгое время подавлял невыносимую боль и теперь, сорвавшись, выплескивал всё накопленное отчаяние.

Спрятав лицо в ладонях, он заставил свои плечи мелко дрожать. Казалось, он вот-вот разрыдается, пытаясь скрыть искаженную гримасу боли, но на самом деле он едва сдерживал смех.

«Сам себе не верю, как складно выходит», — подумал он, чувствуя прилив азарта.

Мутянь понимающе кивнул и осторожно коснулся его плеча, выражая безмолвное сочувствие. Отец Е и Е Линьгэ тоже изменились в лице — слишком много шокирующих открытий обрушилось на них разом.

— Теперь уже нет смысла скрывать. Те две ауры демонов, которые вы почувствовали во мне... одна из них принадлежит Почтенному Янькуну, — продолжал он прерывистым шепотом, словно сдавшись на милость судьбы. — А вторая... скорее всего, Демоническому почтенному семи отчаяний. В тот день я отправился в Павильон бессмертной музыки, чтобы немного развлечься, и случайно перешел ему дорогу. В гневе он напоил меня ядом.

Причитая о своей горькой доле, он не забывал напоминать отцу: «Смотри, какой я несчастный, но в то же время я позор семьи! Я не только навел шороху в Хуафу, но и умудрился разозлить великих мастеров мира культивации! Теперь я — раскаленный уголь, который опасно держать в руках».

«Спокойно, только не засмейся», — Е Линьфэн сжал кулаки, чувствуя, как лицо заливают краской.

Мутянь посмотрел на него глубоко и непроницаемо.

Е Линьгэ, не в силах больше сидеть на месте, рванул к брату, но отец Е вовремя его перехватил.

— Яд?! — вскричал Линьгэ. — Почему ты молчал, брат? Неужели боялся впутать нас?.. Ответь же мне!

— Нет.

Е Линьфэн медленно поднял голову. От былого отчаяния и слабости не осталось и следа. Он смотрел с ледяной враждебностью, жаждой крови и обидой, что были совершенно не свойственны праведным практикам. Одного этого мрачного взгляда хватило, чтобы Линьгэ замер на полуслове.

— Я ни капли не боюсь впутать кого-то из вас... — Линьфэн говорил негромко, но его слова резали, как клинок. — Я просто не хотел, чтобы вы, смертные, путались у меня под ногами и мешали своими жалкими попытками помочь. Глупцы.

Ему было немного жаль брата — ведь эти слова не были правдой, — но он тут же отвел взгляд, решив, что короткая боль лучше затяжной муки.

Мутянь-чжэньжэнь пристально наблюдал за ним. Он не выказал ни гнева из-за резкости юноши к близким, ни отвращения к его дурному нраву. Напротив, он оставался всё таким же мягким и заботливым. Целитель протянул руку и кончиками пальцев нежно приподнял подбородок Е Линьфэна, заставляя того смотреть на себя.

Сейчас он был похож на того самого идеального старшего, о котором мечтает каждый, — доброго, понимающего... и в то же время в его заботе проскальзывало нечто от нежного любовника.

Мутянь мягко улыбнулся. Его улыбка была подобна теплым водам источника, в которых хочется раствориться без остатка, но в глубине этого тепла таилось нечто иное.

— Не бойся, — прошептал он. — Я помогу тебе.

Е Линьфэн посмотрел на него с плохо скрываемым изумлением. Огромная радость, казалось, вытеснила все остальные чувства, оставив на лице лишь тень растерянности.

Частично это была игра, но в остальном — искренний триумф. Его план сработал. Этот «святой человек» действительно им заинтересовался.

Приняв встревоженный вид, Линьфэн неуверенно, словно боясь отказа, ухватился за край широкого рукава Мутяня. Он сжал ткань так сильно, что на ней проступили складки, а ногти впились в собственные ладони.

— Вы правда сможете помочь? Но ведь они меня не отпустят... Я обещал Почтенному Янькуну целый год испытывать на себе его снадобья, я не могу просто так изгнать их силу. А Демонический почтенный семи отчаяний... говорят, он беспощаден и обожает мучить своих жертв. Всего несколько дней назад он обещал, что лично явится за мной!

От собственных слов у Линьфэна перехватило дыхание. Не от страха, вовсе нет. Его переполняло возбуждение — импровизация удалась на славу! Он даже не успел подготовить этот сценарий в голове, а слова лились сами собой.

«Я просто гений актерского мастерства!» — ликовал он про себя.

Новость о том, что он умудрился разозлить сразу двух великих демонов из «Списка десяти»,

достигла ушей отца. Тот, кто раньше трясся из-за мелких чиновников и купцов, теперь наверняка решит, что этот сын — ходячая катастрофа, от которой нужно держаться подальше.

С другой стороны, информация о преследованиях и будущих мучениях предназначалась для Мутяня. Это было топливо для его интереса.

Ведь Мутянь-чжэньжэнь вовсе не был похож на Цицзюэ, которого привлекали смелые и дерзкие натуры. Мутяню было плевать на характер. Согласно «Божественной книге», Мутянь на самом деле питал слабость к одной-единственной вещи — к чужим страданиям.

В сюжете было четко прописано: поначалу он относился к пациентам с безграничной нежностью, как к самым близким людям. Но стоило больному выздороветь, как Мутянь мгновенно терял к нему всякий интерес, становясь холодным и безучастным. Он даже имен их не помнил.

Этот человек, лишенный способности чувствовать физическую боль, во время своих странствий вовсе не руководствовался состраданием. Он втайне наслаждался, созерцая чужую агонию. Это была его страсть, его порочная зависимость.

А случай Линьфэна был уникален. С такой путаницей в теле и неизвестными перспективами боли он стал для лекаря редким деликатесом. Тот факт, что за ним охотятся двое могущественных демонов, гарантировал, что страдания не прекратятся в ближайшее время. А значит, Мутянь сможет наслаждаться зрелищем очень долго.

Словно в подтверждение его догадок, Мутянь внезапно привлек юношу к себе и крепко обнял. Со стороны это выглядело как попытка утешить несчастного, но на самом деле целитель просто пытался унять внезапный трепет в собственной груди.

Затем он посмотрел на главу семьи Е, который уже не знал, что делать — сочувствовать сыну или собственноручно переломать ему ноги, — и произнес спокойным, не терпящим возражений тоном:

— Позвольте мне забрать вашего сына из поместья. Я отвезу его на гору Цзитин для лечения.

Гора Цзитин — место, где Мутянь-чжэньжэнь жил и практиковал. Говорили, что из-за особенностей ландшафта на разных склонах горы одновременно царили все четыре времени года. Отсюда и название: «место, где остановились сезоны». Разный климат позволял выращивать редчайшие травы для его Хижины алхимии.

Услышав это, Линьфэн сначала обрадовался, но тут же нахмурился.

Мутянь появился слишком рано. Он еще не успел встретиться с Демоническим почтенным семи отчаяний, чтобы заполучить «Демоническое сердце», необходимое для культивации. К

тому же, чтобы по-настоящему привязать к себе Мутяня, ему нужен был козырь, который можно было достать только в его родном ордене Шэньтянь.

В свое время он до дыр зачитал «Божественную книгу» и нашел там описание одного особого заклинания. Единственного способа заставить Мутяня-чжэньжэня на собственной шкуре почувствовать, что такое настоящая боль.

<http://bllate.org/book/17497/1714449>